

На Поле битвы бессмертных и демонов собрались сильнейшие заклинатели со всех концов света. Движение началось даже среди обычно отрешённых буддийских монахов: стоя на высоких холмах, они неустанно творили молитвы. У их ног простиралась бескрайняя, испещрённая трещинами выжженная земля.

Эта глубокая, словно просевшая долина была абсолютно мертва. Ни единого стебля травы, ни намёка на жизнь. Почва, некогда обугленная пламенем красного лотоса, запеклась до каменной твёрдости и до сих пор хранила багровые подтёки давней крови. Спустя тысячелетие над долиной всё ещё висел тяжёлый гарный чад, отравляющий даже небесный свод.

— Там! — закричал один из стражей формации, указывая пальцем вглубь долины.

Все как один устремили взгляды в указанном направлении. Неподальёку клубился сгусток лазурной духовной энергии, испещрённый связывающими символами, которые переливались, подобно водной глади.

Это была Великая формация Девяти Оборотов Пленения Дракона — древняя и нерушимая защита. Однако сейчас незыблемый барьер глухо трещал, будто изнутри пробивалась безудержная сила, рвущаяся на волю.

— Если Владыка призраков вырвется, он зальёт кровью все Девять областей!

— Сначала Владыка демонов, потом владыки расы демонов, а теперь ещё и Владыка призраков... Неужели сами небеса желают гибели нашей земле?!

— Истинный господин Вэньчэн, не паникуйте! Бессмертный господин Бай Шэн уже прибыл, он отдыхает в главном шатре!

У белоснежного шатра, расшитого золотыми узорами, толпились сотни заклинателей. Их лица искажало беспокойство. Вдруг полог шатра приподнялся, и оттуда плавной, исполненной достоинства поступью вышел человек.

— Это Бессмертный господин Бай Шэн!

— Господин Бай Шэн, у вас есть план, как сдержать Владыку призраков?

Белоснежный рукав бессмертного господина слегка взмыл вверх, а тонкие пальцы опустились в призывающем к тишине жесте — и толпа мгновенно смолкла. Бай Шэн с удовлетворением окинул взглядом благоговеющих заклинателей и лишь затем, выдержав паузу, неспешно произнёс:

— Мне уже обо всём доложили. Вокруг барьера нет и следа призрачной ци. Владыка призраков не сможет пробить формацию.

Собрание облегчённо выдохнуло.

— Однако... — продолжил Бай Шэн, повысив голос. — Движение Великой формации Девяти Оборотов Пленения Дракона неизбежно всколыхнёт призрачных заклинателей. Нам нужно объединить усилия, чтобы встретить их во всеоружии.

Сердца присутствующих снова сжались от тревоги, поднялся гул голосов:

— Что делать? Призраки наступают, а у меня совсем нет опыта битв с ними!

— Чего ты струсил? Будем держаться возле шатра Бессмертного господина Бай Шэна, он нас защитит!

— Вот именно! Господин Бай Шэн не пожалел сил, чтобы запечатать Владыку призраков ради нашего блага, он непременно укроет нас от беды!

Бай Шэн стоял на высоком помосте. Доносившийся снизу шепоток восхвалений ласкал его слух, и он прищурился от удовольствия.

В усы подкрутив губы, он едва слышно ухмыльнулся:

«Шэнь Хуайцзюнь, тебе за всю жизнь уже не вкусить славы, озарившей моё имя».

Поворачиваясь к шатру, он заметил Гао Линъяо, застывшего у входа с явно рассеянным видом.

— Ученик мой, тебя всё ещё тревожит отцовское наследие? — ласково поинтересовался Бай Шэн.

Гао Линъяо автоматически кивнул: в тот день отец действительно передал ему семейное реликварное искусство.

Бай Шэн сделал многозначительную паузу, ожидая вопросов, однако взгляд Гао Линъяо оставался устремлённым в пустоту. Он витал где-то слишком далеко и даже не заметил прозрачного намёка своего учителя.

С нависшего, словно запятанного тушью неба сеял косой мелкий дождь. В окно повозки проникал прохладный ветерок. Шэнь Хуайцзюнь велел кучеру остановить экипаж и попросил хозяина придорожной чайной принести две пиалы горячего отвара.

Увидев блеск серебра, лавочник с радостной улыбкой раскрыл промасленный зонт и лично принёс дымящийся чай.

Шэнь Хуайцзюнь указывающим жестом коснулся подвешенных вдоль дороги флажков:

— Почему везде белые знамёна?

Под карнизами тянулись гирлянды из треугольных белых флажков. В мире смертных белый цвет считался траурным и сулившим беду, однако здесь белые стяги заполняли все улицы и переулки.

— О, почтенный гость, вы не знаете! — с готовностью пояснил хозяин. — Весь наш город выражает почтение и поддержку Бессмертному господину Бай Шэну!

Шэнь Хуайцзюнь безмятежно отпил из пиалы:

— И по какому же поводу?

— Неужели вы не слышали? — удивился торговец. — Древняя формация, запечатавшая Владыку призраков, пошатнулась! Бессмертный господин Бай Шэн спешит туда, чтобы укрепить барьер. И сказывают, господин Бай Шэн заявил: если Владыка призраков посмеет буйствовать, он просто отворит врата и лично заколотит нечистого!

Шэнь Хуайцзюнь прикрыл глаза, вернул пустую пиалу, задёрнул занавеску экипажа и тихо вздохнул.

Мо Яньхань, наблюдавший за ним, недовольно насупился:

— Зачем ты вздыхаешь из-за этого бесстыжего Бай Шэна?

— Вздыхаю лишь потому, что он сам копает себе яму, — отозвался Шэнь Хуайцзюнь. — Бай Шэн мог бы спокойно добраться до Поля битвы бессмертных и демонов на небесном корабле без лишнего шума, но решил выставить всё напоказ и устроить пышное шествие. Не дай небо, он и впрямь решит отворить формацию... Кто знает, какая тварь оттуда выскочит? В таком случае орден Цинсяо опозорится на весь мир.

Мо Яньхань призадумался. В общем-то, Шэнь Хуайцзюнь был прав. Сам Мо Яньхань никогда не ступал внутрь Великой формации Девяти Оборотов Пленения Дракона, хотя там действительно имелось нечто запечатанное. И что же это могло быть? Какая-нибудь жаба?

Только представь: величайшие заклинатели поднебесной собрались на Поле битвы, с трепетом и смертельной серьёзностью обсуждают судьбы мира, наконец отворяют печать... а оттуда с

кваканьем выпрыгивает жаба. Лица этих «великих» в тот момент стоили бы любых денег.

Внутри повозки было сокрыто пространственное заклятие горшечного мира: резная кушетка, чайный столик, книжные полки — всё обустроено со вкусом. Шэнь Хуайцзюнь сидел на кушетке, а Мо Яньхань устроился головой у него на коленях, смакуя засахаренные ягоды на палочке. Нос юноши ловил едва уловимый, прохладный аромат бамбука, исходящий от старшего. В последнее время этот запах нравился ему всё больше — он приносил покой, успокаивал разум и рождал в душе тихую, сладкую зависимость.

Пока Мо Яньхань предавался блаженной полудрёме, до его ушей донёсся еле слышный шепоток:

— Владыка... Владыка, вы в порядке?

Повернув голову, он увидел Бошэ, который похлопывал крыльями, сидя на краю чайного столика. Мо Яньхань взглянул выше: Шэнь Хуайцзюнь подпёр голову рукой, книга выпала из его пальцев, и он погрузился в глубокий сон.

— И отчего же мне не быть в порядке? — с ленивой вальяжностью пробормотал Мо Яньхань. — Тут и еда, и питьё, да ещё и заботятся обо мне каждый день. Шэнь Хуайцзюнь решил, будто Владыка призраков меня обижал, поэтому в последние дни стал невероятно ласков. Каждую ночь перед сном он даже зажигает успокаивающие благовония.

Он гордо добавил:

— Специально для меня, между прочим!

Бошэ от такой бессовестности потерял дар речи и лишь прикрыл глаза крылом, показывая, что сил его нет на это смотреть.

— Вчера я пролистывал человеческие стихи, — продолжал юный Владыка. — И там была одна фраза, которая идеально описывает моё положение. Постой-ка, сейчас найду...

Мо Яньхань подхватил со столика свиток с поэзией и наобум перелистал несколько страниц:

— О, вот оно! Это называется: «потонуть в нежной истоме объятий»!

Бошэ не выдержал:

— Владыка... «нежная истома» вовсе не это означает.

Молодой Владыка призраков слишком долго пробыл запертым в Царстве призраков, оттого его понятия о земных страстях, поэтичной романтике и любовных утехах оставались чистым листом.

Мо Яньхань озадаченно прищурился.

Бошэ сводчато соединил кончики крыльев и пару раз потыкал их друг в друга:

— Чтобы «потонуть в истоме», нужно скинуть одежды и сплестись телами!

Мо Яньхань протяжно хмыкнул, будто бы понял, а затем вдруг брезгливо поморщился:

— Бошэ, какие же у тебя грязные мыслишки! Почему твой разум вечно занят тем, как кто-то с кем-то трётся?

Бошэ застыл от такой наглости.

— Ступай и читай Заклинание Очищения Сердца! — велел Мо Яньхань. — Очисти свои порочные помыслы!

Отвергнутый Бошэ в одиночестве вылетел в окно экипажа. На крыше ровной цепочкой сидели маленькие вороны — его подчинённые.

— Вожак, что сказал Владыка? Отчего у тебя такой вид? — любопытствовал один из них.

Бошэ утёр дождевые капли с перьев и с глубокой тоской выдохнул:

— По сравнению с человеческими развратными самодурами, наш Владыка... капризнее стократ!

Колёса повозки мерно постукивали по дороге. Оставив позади город Цину, они въехали в уезд Циншуй. Преодолев два горных перевала, повозка оказалась на вершине, откуда открывался вид на раскинувшийся внизу город, сиявший огнями людских обителей.

— Через полчаса спустимся и остановимся на ночлег вон в том постоялом дворе, — Шэнь Хуайцзюнь указал рукой вниз, но, повернувшись, увидел, что юноша укрылся с головой поэтическим свитком и уже сладко сопит.

Шэнь Хуайцзюнь тихо усмехнулся. Он приподнял полы одежд, собираясь вернуться в экипаж,

как вдруг прямо перед его лицом пронеслась тёмная призрачная струя.

Движения заклинателя замерли. Окинув взглядом погружающийся в мрак лес, он громко спросил:

— Призрачные заклинатели?

Округа отвечала гробовой тишиной. Но на листьях деревьев, серебрившихся под лунным светом, проступила зловещая чёрная хвоя призрачного тумана. Тьма стремительно расплзалась по всему холму, и со всех сторон, дыша неистовой яростью, хлынули теневые фигуры.

На губах Шэнь Хуайцзюня мельком промелькнула едва заметная улыбка:

— Какая немилость. Двумя веками ранее мне уже довелось запечатать вашего Владыку.

Эти слова вспышкой ярости отозвались среди нападавших. В воздух взмыла тяжёлая коса, со свистом направленная прямо ему в грудь. Шэнь Хуайцзюнь плавно прогнулся в пояснице, уклоняясь от смертоносного лезвия, и в тот же миг меч Цзинфэн сорвался с ножен, разрезая мрак вспышкой серебряного сияния.

Закутанные в чёрное призрачные воины нападали один за другим, но Шэнь Хуайцзюнь отражал их выпады без видимых усилий. Однако плотный призрачный туман сгущался. Чёрный конь, запряжённый в повозку, в страхе забил копытами по земле, а когда перед ним из тьмы соткался призрак, животное отчаянно заржало и встало на дыбы.

Зрачки Шэнь Хуайцзюня сузились: внутри оставался Яньхань!

Взмахом клинка отбросив очередного нападавшего, он метнулся к экипажу. В то самое мгновение, когда безумный от страха конь рванулся к краю обрыва, Шэнь Хуайцзюнь успел подхватить спящего юношу и сжать его в крепких объятиях.

Очнувшийся Мо Яньхань поджал губы и протёр глаза. Оглядевшись, он впал в замешательство: вокруг копошились сплошь знакомые физиономии из его собственной свиты... Какого черта они устроили заваруху?!

Прижимая юношу к себе, Шэнь Хуайцзюнь отскочил к каменному утёсу. Прикрыв его спиной, он заслонил Мо Яньхана собой, а в его руке замер готовый к бою Цзинфэн.

— Жалкие призрачные твари, как дерзаете вы преграждать мне путь! — возгласил он.

Сжав волю в кулак, заклинатель направил струйку духовной энергии в клинок. Его духовное

ядро было разрушено, и любое проявление силы требовало невероятного напряжения духа и сжигания духовной крови, подрывая и без того хрупкое здоровье. Но сейчас, когда на кону стояла жизнь воспитанника, он не думал о последствиях.

Однако нападавшие почему-то замерли с крайне нелепыми выражениями на лицах.

В следующее мгновение кто-то сзади лёгким касанием задел шею Шэнь Хуайцзюня. Веки заклинателя отяжелели, и он бессильно погрузился в непроглядный сон.

— Владыка, мы виноваты!

— Владыка, смилуйтесь, не гневайтесь на нас!

— Это ошибка! Нам же дали указ свыше — перехватить и уничтожить Шэнь Хуайцзюня!

Толпа призрачных заклинателей отчаянно барабанила в дверь. На лбу Мо Яньханя вздулись вены, и он сдавленно прорычал:

— Заткнитесь!

За дверью мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Мо Яньхань прижимал к себе бессознательного Шэнь Хуайцзюня, лёжа с ним на ложе постоянного двора. Глаза бессмертного были плотно сомкнуты, а с бескровного лица сошли последние краски — следствие истощения жизненной эссенции.

— Только-только немного откормил его, а теперь снова сгорит от слабости! — с досадой и щемящей нежностью пробормотал Мо Яньхань.

Он поднёс к губам Шэнь Хуайцзюня пиалу с целебным отваром Травы Висящего Инея, но зубы заклинателя оказались крепко сжаты.

Бошэ, наблюдавший за этим, негромко подсказал:

— Владыка, Бессмертный господин Шэнь перед угасанием сознания заблокировал пять чувств. Это защита заклинателей от гибели: сейчас сквозь эти врата не пройдёт ни капли воды, ни крупички духовной энергии.

Мо Яньхань насупился: если невозможно передать духовную силу, как восполнить сгоревшую

кровь и вернуть ему силы?

Вдруг его осенила внезапная мысль:

«У Шэнь Хуайцзюня же ещё не затянулась рана на спине!»

Осторожно просунув ладонь за его спину, Мо Яньхань ощутил сквозь истончённое тело брешь возле позвоночника — там защита давала сбой, и духовная энергия могла свободно проникнуть внутрь. Не раздумывая, он решил развязать пояса его одежд.

Однако когда пальцы коснулись широкого пояса, Мо Яньхань замер.

Странное ощущение сжало сердце. Этот человек был хрупок и болезнен, страдал от приступов боли и частых обмороков, но держал себя с безупречной строгостью. Белоснежные одежды лежали на нём аккуратными слоями, без единой складочки, а пояс затянут туго и строго, будто свод устоев ордена Цинсяо.

И вот теперь он, Владыка призраков, собирался распахнуть эти строгие покровы, проникнув к самой уязвимой его ране.

— Будь я злым духом, Шэнь Хуайцзюнь, ты бы наверняка пал с небес в самую бездну, — прошептал Мо Яньхань, глядя на спящего.

Он без церемоний раздвинул плотные слои ткани, оставив лишь тонкое, почти прозрачное исподнее. Прижав исхудавшее тело к себе, Мо Яньхань приложил тёплую ладонь к ране, направляя через неё целебную силу Травы Висящего Инея.

Постепенно дыхание Шэнь Хуайцзюня выровнялось, а застывшее тело начало наливаться животворящим теплом. Поняв, что тот медленно приходит в себя, Мо Яньхань ощутил, как его собственное сердце заколотилось подобно боевому барабану, а мысли спутались в сладком хмелю.

«А ведь потонуть в нежной истоме... и правда неплохо», — подумалось ему.

<http://bllate.org/book/20545/2145943>